

Культура. - 1993. - 19 июня. - с. 8.

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ

ВИРТУОЗНЫЙ ПОТАНИН

Место
для печати

На банкет нас с Потаниным не пустили. Почему не пустили именно нас—до сих пор остается для меня загадкой. Все-таки один из ведущих актеров известного академического театра и корреспондент не самой последней московской газеты, и оба—участники фестиваля, который, собственно, и был поводом для гулянки.

Но вот—не пустили и все. За занавешенными окнами Дома актера мелькали тени людей, бокалов и вилок. А на его промерзших ступенях шелестели последние листья, хлопала вода и стояли мы. Потанин посмотрел на меня из-под полуметрового козырька кепки и протянул руку: «Потанин». Я его уже знал, видел. Правда, без кепки, но зато во фраке. Он играл Кочкарева в «Женитьбе», и я тогда еще подумал: «Какой артист!». И вот «какой артист!» трясет руку мне, стоящему рядом с ним под ночным небом осеннего Воронежа, и говорит: «А ну их всех к черту!». И я охотно соглашаюсь с его пожеланиями.

Через полчаса наши карманы оттопыриваются и загадочно поблескивают «бескозырьками» и шелестят оберточной бумагой. А еще через час нами уже решена судьба России вообще, российского театра, в частности, и постановлено, что, если где-то в театре и есть свежее веяние, так в Воронежском академическом имени А. Кольцова, где Потанин играет в большей части спектаклей.

«Помню, помню,—говорит Потанин,—«Виртуозный Потанин!» Ты тогда хватил малость лишку». Это о моей статье по поводу «Женитьбы». Той, что была написана задолго до встречи на ступенях. Я что-то отвечаю. Но суть-то как раз в том, что лишку я не хватил. Хорошо помню спектакль. На переднем плане нерешительный закомплексованный Подколесин (Е. Малишевский), играющий своего персонажа так, как, наверное, играл бы Гамлета, недоделанные и странные чиновники, за их спиной—вся Россия, огромная, сонная, топкая. Но вот появляется Кочкарев, он энергично размахивает руками; послушные ему, вспыхивают на сцене десятки фонарей, грохочет невидимый орган (или не грохочет—про-

сто впечатление такое?). И все приходит в движение, наполняется жизнью. Вдруг что-то начинает предпринимать Подколесин, петушатся чиновники, и даже неподвижный ангел на Александринском столпе, кажется, встрепенулся и руке, указующей на небеса, придал большую выразительность. Потанин (виртуозный Потанин!) кажется на сцене пришельцем из другого мира. Он мелькает, кружится, не останавливаясь ни на минуту. Даже когда на миг он прикладывается к подушке на кушетке, вокруг него сохраняется постоянное поле энергии.

Его пластика—несомненно, самая совершенная часть дара актера. Он один умудряется быть пластическим камертоном целого спектакля. Анатолий Иванов, художественный руководитель театра и автор большинства постановок, знает это свойство Потанина. И потому даже в тех пьесах, где для Валерия не находится крупной роли, Иванов все равно дает возможность сыграть, иногда специально придумывая не существовавший в тексте персонаж. Игра стоит свеч. Виртуозный Потанин появляется на сцене буквально на минуту, а спектакль начинает звучать по-другому. Поначалу я даже не фиксировал это. Но потом, вспоминая, начинал ломать голову: так что же за хитрость была в той сцене, что за деталь, прозвучавшая так сильно? Музыка что ли введена была особенно удачно, какой-то световой эффект, точная мизансцена или... Потом понял, что именно в том эпизоде и появлялся Потанин. Я не преувеличиваю.

«Путем взаимной переписки» (инсценировка по Войновичу). Грустная повесть о том, как молодой парень, познававшийся во время службы в армии с «заочницей», приезжает к ней в гости и пропадает, окруженный и обманутый

этой женщиной. В спектакле есть такой эпизод. Солдат уже приехал, уже изрядно выпил, и потенциальная невеста перестала казаться ему такой уж мегерой. И, вроде, неизвестно, как все обернется. Но вот в кровати кто-то зашевелился. И оттуда вылезло нелепое расстрепанное существо в гигантских валенках, майке и семейных трусах. Это—сын «заочницы», школьник. Его играет Потанин. Мне рассказывали, что, когда Иванов предложил сыграть эту роль ему (младому, но отнюдь не мальчику, к тому же ростом с метр восемьдесят), было море смеха. Но вот сыграл, и получился такой эффект: появление дитяти разбивает спектакль на две части. Если до того казалось—может еще что-то быть хорошо, то это нелепое, бредовое существо будто все перенечеркнуло. Отдохотавшись, ясно понимал: ничего нет и быть не может. Коротенькое появление артиста на сцене меняло интонацию повествования.

А в «Самоубийце» Валерий показывался в образе официанта в сцене пирушки. Посмотрев этот эпизод, можно было сделать по крайней мере два вывода: 1. При нэпе умели красиво жить; 2. Если бы Потанин принял участие в международном конкурсе официантов, то занял бы второе место. Почему не первое? Потому что даже самые неискusstvenные в театральном искусстве кулинары из жюри сразу почувствовали бы в нем артиста. Не смогли бы не почувствовать. Впрочем, то же применимо и к прочим ролям, к персонажам иных профессий.

Но самая подходящая для него роль—это Чонкин. Те, кто читал Войновича и видел на сцене Потанина, поймут, почему. Написал и задумался: что значит «самая подходящая»? А Войницкий в чеховской «Безотцовщине»? А тот же Кочкарев? А... Все—самые. Все—подходящие. Потому что—артист. Потому что—виртуозный Потанин.

Вот только непонятно, на банкет-то нас чего не пустили? Впрочем, я даже был рад этому обстоятельству. По крайней мере всласть поговорили. И понял я еще раз, что лишку не хватил.

Сергей БЕДНОВ.

● Кочкарев — Потанин.

Фото Николая Варламова.